

УДК 94 (470+571):930

КУЗНЕЦОВ Олег Викторович – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории, археологии Волгоградского государственного университета (400062, Россия, г. Волгоград, Университетский пр-кт, 100; oleg.kuznetsov@volsu.ru)

ЛОТАРЕВ Константин Анатольевич – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета (400062, Россия, г. Волгоград, Университетский пр-кт, 100; lotarev@volsu.ru)

ДВЕ «ПРАВДЫ»: ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ И ПАВЕЛ ПЕСТЕЛЬ: К ВОПРОСУ ПОИСКА И УТВЕРЖДЕНИЯ ПОЛИТИКО-ИСТОРИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ ПРАВДЫ И ЗАКОНА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Аннотация. В статье внимание акцентируется на одной из ключевых проблем в политической истории России – проблеме поиска и утверждения в государственной и общественной жизни приемлемых, органичных, естественных норм, правил и ценностей, соответствующих нравственному и ментальному состоянию народа. Это проблема многоуровневая и многоаспектная, во многом решаемая, но в идеале неразрешимая по той причине, что в течение веков на долю народа и власти выпадает множество непредсказуемых и трудно структурируемых событий, влияющих на исторический и политический процесс. Политические, правовые и ценностные парадигмы меняются под воздействием разнообразных и противоречивых обстоятельств.

В качестве основных источников привлекаются «Русская Правда» Ярослава Мудрого, «Русская Правда» П.И. Пестеля, «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона.

Ключевые слова: Закон, Правда, Справедливость, традиция, конституционный проект, законы государственные, закон Божественный, монархия, республика, власть, народ, государство

Закон, Правда, Справедливость рассматриваются авторами в контексте исторического и политического взаимовлияния. Представляется, что «Русская Правда» великого князя Ярослава Мудрого глубоко органична и объективна, поскольку исходила из сложившихся в социуме представлений о добре и зле, обиде и воздаянии за нее. Достаточно сильным оказалось влияние христианских воззрений на мир. Правда для великого князя Ярослава выше и шире закона. Закон и состоит в Правде и не должен противоречить ей. Отсюда и название первого русского государственного законодательства.

«Русская Правда» П.И. Пестеля есть произведение рафинированной образованности, сформировавшейся эклектично на основе различных социально-политических и правовых учений XVII–XVIII вв. Но при этом в ней просматривается неистребимое стремление максимально, насколько это возможно, нивелировать несоответствия между Законом, который нередко пишется и переписывается, и Правдой, которая истинна, справедлива и неизменна. Стремление к утверждению Правды и есть стремление к справедливости и гармонии социального и государственного бытия.

История России переживала не один эпохальный переломный период. Самые значительные из них в контексте государственного устройства, формирования форм власти, экономического, социального и культурно-правового развития – это IX–XI вв. (образование государства, создание и совершенствование форм социального и правового быта); XII–XV вв. (эпоха раздробленно-

сти и зависимости от степняков, преодоление раздробленности и складывание единого Российского государства); противоречивая эпоха правления Ивана IV; XVII–XVIII вв. (Смута, складывание общероссийского рынка и абсолютизма, проникновение в элитный образованный слой общества идей европейского Просвещения, воздействовавших на умы крайне неоднозначно); XIX в. (политическое могущество империи не без противоречий во взаимодействии власти с сословиями, «великие реформы», соперничество либеральных и консервативных идей, народничество и проникновение марксизма). И это весьма насыщенная в содержательном плане политическая история. Не составили исключения в этом контексте российской истории XX и XXI в.

Внимание авторов данной статьи будет сосредоточено на двух периодах, разделенных веками и, казалось, никак друг с другом не связанных. Но это только на первый взгляд, причем взгляд не исторический. Исторический взгляд, как и сама история, имеет свойство сближать времена, если от прошлого к будущему в них сохранилась эпохальная проблема и необходимость ее разрешения. Эти периоды примечательны развитием и отчасти утверждением законодательно-правовых оснований, определяющих жизнь государства и общества в целом.

Примечательно, что пытливый разум просвещенного XIX в., первой его четверти, обращается к политическому и социально-правовому опыту первой половины XI в.

Главная проблема статьи – содержание и сущность Закона и Правды в российской политической истории в их взаимодействии и влиянии на народ и власть; проблема поиска и утверждения политико-исторических и духовных смыслов Правды и Закона в политической истории России.

Авторы статьи предприняли попытку исследования проблемы преемственности основополагающих идей и ценностей в национальном самосознании, носителями которых являются государственная власть в лице своих ярких представителей и народ, веками стремящийся к достижению и сохранению их в ментальных представлениях и социальной реальности.

Правда и Закон в российской истории и политике не только концентрировали в себе элементарные представления, нормы и отношения, но вмещали в себя гораздо большее в процессе созидания и утверждения регулирующих основ в области государственно-правовых и социально-культурных отношений.

Опора на системный метод исследования позволяет провести анализ сложного процесса преемственности идей и ценностей в ходе исторического и политического развития государства и общества. Представления о законе, правде и справедливости далеко не тождественны. Справедливость и правда подвергались куда меньшему числу спекуляций и манипуляций, чем законы – создаваемые, изменяемые и отменяемые. Системный подход позволяет избежать изолированных и фрагментарных смысловых построений и толкований. Настоящее нередко обращается к прошлому, чем создает предпосылки для крепкого фундамента будущего в контексте государственного и социального устройства.

Историко-политологический анализ дает возможность актуализировать данную проблематику в условиях современного политического процесса в России и поиска крепкой, органичной и стабильной системы взаимодействия властных государственных институтов и общества.

Отечественная война 1812 г., ставшая, по точному замечанию историка русской культуры Б.И. Краснобаева, «первым общеисторическим действием русской нации» [Краснобаев 1983: 203], успешные заграничные походы русской армии вызвали естественный прилив патриотических настроений у значитель-

ной части общества, подъем национального самосознания, усилили интерес к историческому прошлому России. Состояние духовной эйфории, царившей после победы над Наполеоном, прекрасно передал А.С. Пушкин в повести «Метель»: «...война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу. <...> Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове отечество!»¹

В этой атмосфере зарождается феномен декабризма, формируется его идеология. Лидер Южного общества декабристов П.И. Пестель называет свой программный конституционный проект «Русская Правда, или Заповедная государственная грамота великого народа российского, служащая заветом для совершенствования государственного устройства России и содержащая верный наказ как для народа, так и для Временного верховного правления». Можно ли воспринимать такое название как формальную дань общественному запросу на интерес к истории, или за этим стояло нечто большее?

Сам П.И. Пестель не дает прямого ответа на этот вопрос. По мнению авторитетного историка М.В. Нечкиной, «свой проект Пестель назвал “Русской Правдой” в память древнего законодательного памятника Киевской Руси. Он хотел этим названием почтить национальные традиции и подчеркнуть связь будущей революции с историческим прошлым русского народа» [Нечкина 1983: 75]. Сходное соображение высказал и Н.М. Лебедев в монографии, посвященной П.И. Пестелю: «Название “Русская правда” совпадает с наименованием древнейшего русского законодательного памятника. Пестель выбрал это название в знак преемственности и связи с исторической национальной традицией» [Лебедев 1972: 130-131].

Цивилизационный по историческому, политическому, культурному смыслу и значению выбор Древней Руси – принятие христианства – был закреплен появлением «Русской Правды». Крещение Руси и принятие «Русской Правды» явились значительными достижениями, т.к. скрепили и укрепили Древнерусское государство, поскольку внесли в него основу организующего единства. Но законодательные устремления великого князя Ярослава не ограничивались только одним этим правовым актом. С именем Ярослава связывают, в частности, Церковный устав [Российское законодательство... 1984: 163-167].

Христианство определило духовно-нравственные основы дальнейшего исторического и политического развития Древнерусского и Российского государства. Христианские нормы становились главным ценностным ориентиром для древнерусских князей (впоследствии – русских государей) и одновременно мерилем их деятельности, в т.ч. и законодательной. Во всяком случае, так это представлял себе митрополит Иларион – духовник и сподвижник Ярослава Мудрого, автор «Слова о Законе и Благодати» – одного из самых ярких произведений древнерусской литературы. Иларион начинает с того, как Закон, данный Моисеем, «отошел», а Благодать и Истина, явившиеся в Иисусе Христе, «всю землю исполнили» [Иларион 1994: 29]. Благодать и Истина здесь для нас синонимы Правды.

Закон в формализации установлений, наказаний и ограничений абстрактен и не может учитывать всего многообразия ситуаций. Так, в Ясе Тимуджина в качестве наказания доминирует лишение жизни. Цели такого свода законов очевидны. Формальность Закона нередко придает ему суровость, потому и сталкивает его с социальным восприятием справедливости. «Справедливость» и «правда» – понятия однопорядковые, но многомерные и потому сложные. В Древней Руси и России сложилось ментальное представление, что Закон часто

¹ Пушкин А.С. *Сочинения*: в 3 т. М.: Художественная литература. 1987. Т. 3. С. 65.

«обижает» Правду. Правде почти всегда тесно в ограниченных и ограничивающих пределах Закона. В идеале Правда и Закон должны совершенно слиться. Правда и должна стать Законом. Правда должна прийти на смену Закону подобно тому, как в сочинении Илариона на смену суровому Закону пришла общечеловеческая Благодать («И уже не теснится человечество в Законе, а в Благодати свободно ходит» [Иларион 1994: 41]). Это вполне соответствовало бы представлениям народа о настоящем Законе, народной вере в Правду. Символично, что древнерусское законодательство проделало путь от «Закона Русского» к «Русской Правде» [Свердлов 1988].

Княжение Ярослава Мудрого представляло собой постоянный поиск и утверждение Правды, как он ее понимал. И давалось это очень непросто. Закон всегда один для всех. Правд всегда много, у каждого она своя. Правда, исходящая от власти, даже не формализованная в правовые нормы, воспринимается уже как Закон с неизбежной необходимостью подчинения ему либо вызывающий протест, толкающий на борьбу. Одним из первых таких протестов Ярослава, проявлением борьбы за утверждение собственной Правды стал вызов, брошенный Закону отца.

Владимир, креститель Руси, с чьим именем древнерусский автор связывал приход на Русь Благодати, рассеявшей «мрак идольский» и «тьму бесслужения», был деятельным строителем молодой еще русской государственности. Проводя административную реформу, «изводя» князей союзов племенных княжений, сажая на их места своих сыновей, Владимир пытался скрепить государственное единство родственными узами. Ярослав оказался в Новгороде. Две трети дани, собираемой Ярославом с дружиной в Новгородской земле, он должен был отправлять отцу в Киев, оставляя себе лишь одну треть [Повесть временных лет 1950: 288]. В этом была Правда Владимира, но для Ярослава она стала по существу суровым Законом, с которым новгородский князь не пожелал мириться, отказавшись платить дань Киеву. Болезнь, а потом и смерть Владимира позволили избежать открытого столкновения.

Таким же утверждением Правды в понимании Ярослава стала его расправа с новгородцами, перебившими варяжских наемников, которые творили «насилие новгородцам и женам их» [Фроянов 1995: 98-103]. Правда Ярослава здесь явно разошлась с Правдой горожан, не захотевших смиренно терпеть бесчинства иноземцев. А вот успешная борьба Ярослава с печенегами и другими противниками Руси явилась утверждением Правды не только князя, но и всей Русской земли. Это тот счастливый случай, когда Правды «верхов» и «низов» соединились. В идеале к такому единению должен, видимо, стремиться любой правитель, оно — проявление гармонии в отношениях власти и «земли», одно из условий процветания державы. Властителю, часто уверенному в своей абсолютной правоте, порой очень трудно бывает устоять перед соблазном навязать свою Правду народу, а иногда даже сделать людей счастливыми вопреки их желанию. Безусловно, утверждением Правды Ярослава было и «поставление» в 1051 г., вопреки византийскому закону, который не захотел принять древнерусский князь, митрополитом не грека, а «русина» Илариона. И в этом акте мы видим утверждение еще одной Правды Ярослава, о которой писал Иларион: «...не в худой и неведомой земле владычествовали, но в Русской, что ведома и слышима всеми четырьмя концами земли» [Иларион 1994: 73]. Автор «Слова о Законе и Благодати», вознося хвалу Владимиру Святославичу, сравнивал его с императором Константином Великим [Иларион 1994: 91]. Тем самым Иларион утверждал Правду Русской земли и Русской церкви, их независимость от Византии и константинопольского патриарха. То же делал и Ярослав.

Умудренный жизнью и властью (тридцать пять лет на киевском столе), Ярослав на собственном опыте, в борьбе со Святополком Окаянным и с Мстиславом Тмутараканским познал цену княжеских усобиц, а потому предвидел их пагубные последствия [Рыбаков 2014: 536]. Поэтому как утверждение выстраданной им Правды звучит завещание Ярослава: «Вот я покидаю мир этот, сыны мои; живите в любви, потому что все вы братья, от одного отца и одной матери. И если будете жить в любви друг к другу, бог будет с вами и покорит вам врагов ваших. И будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и междоусобицах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которую они добыли трудом своим великим, но живите в мире, слушаясь брата брата» [Повесть временных лет 1950: 308]. И в этом случае Правда Ярослава вновь совпала с Правдой народа, для которого не было ничего важнее спокойствия внутреннего и внешнего.

Свою Правду Ярослав утверждал, распространяя православную веру, укрепляя церковь. Укрепление духовных основ Руси усиливало и само Древнерусское государство. На период княжения Ярослава Мудрого выпадает, как мы знаем, расцвет Руси. И древнерусский летописец, и автор «Слова о Законе и Благодати», изображая труды Ярослава на религиозной ниве, по праву видят в нем достойного преемника Владимира, продолжающего утверждать на Руси христианскую веру. «При нем начала вера христианская плодиться и распространяться, и черноризцы стали множиться, и монастыри появляться. ...засеял книжными словами сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение получая книжное. <...> И радовался Ярослав, видя множество церквей и людей крещеных, а враг сетовал на это, побеждаемый новыми людьми крещеными» [Повесть временных лет 1950: 302-303].

В ряду религиозных дел Ярослава был и Церковный устав. В его создании участвовал митрополит Иларион, о чем говорится в первой же статье Устава, и данное свидетельство источника исследователи расценивают как вполне достоверное [Российское законодательство... 1984: 165]. Церковный устав Ярослава – это тоже утверждение Правды, противостоящей византийскому закону. Распространенные к тому времени на Русь византийские церковно-правовые нормы (Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных) были адаптированы Ярославом и Иларионом: устанавливалась традиционная и ставшая привычной для древнерусского общества система имущественных санкций – денежные взыскания [Российское законодательство... 1984: 172-173].

«Русская Правда» приходится на начало княжения Ярослава. На первый взгляд, она выглядит совершенно случайным, производным от конфликта с новгородцами актом. Если бы варяги не соблазнили новгородскими женщинами, «Русской Правды» могло бы не быть? Или она появилась бы гораздо позже? В любом случае возникновение «Русской Правды» в это время (примем за точку отсчета 1016 г.), почти в самом начале великого княжения Ярослава, изгоняющего в первый раз Святополка из Киева и занимающего, пусть ненадолго, столицу, было символичным. Принятие истинной Веры должно было дополниться и подкрепиться поиском и утверждением истинной Правды. Не случайно в сознании людей эти два понятия – Вера и Правда – стоят рядом. О соотношении этих понятий в русских источниках и в русском сознании в своем исследовании говорит А.Л. Юрганов [Юрганов 1998: 33-116]. Русская Правда должна была если не соединить, то сблизить представления киевского князя и народные представления о справедливом Законе и справедливом Суде, справедливом в равной степени и к преступнику, и к пострадавшему от его злодеяния. В качестве иллюстрации приведем замечание историка XIX в.

Н.Г. Устрялова, касающееся основного вида наказания, установленного в «Русской Правде» – денежного возмещения причиненного вреда: «Он [законодатель] тем легче мог достигнуть своей цели, что эти законы вполне соответствовали тогдашнему понятию о возмездии за обиду: если бы Ярослав вместо денежной пени установил наказания исправительные, телесные или временное заключение, сообразные с правом греческим и, без сомнения, известные ему, законы его остались бы недействительны: оскорбленный, не получив возмездия, захотел бы сам искать его» [Устрялов 1997: 84-85]. Теми же соображениями, по мнению историка, законодатель руководствовался, и закрепляя право кровной мести. Одновременно самим своим названием она задавала тон всему княжению Ярослава, определяла его в содержательном и смысловом отношении: утверждение Правды.

Спустя несколько столетий попытку поиска и утверждения Русской Правды предпримет П.И. Пестель – человек огромной эрудиции, прекрасно знавший современные ему политические теории. По воспоминаниям друзей, вдоль стен комнат квартиры П.И. Пестеля «тянулись полки с книгами более политическими, экономическими и вообще ученого содержания, и всевозможные конституции» «на многих иностранных языках» [Нечкина 1983: 75].

П.И. Пестель хорошо понимал всю значимость закона для процветающего, цивилизованного государства, каким он, несомненно, хотел видеть Россию. Вместе с тем он не мог не учитывать, что в сознании русского человека Правда стоит выше Закона.

П.И. Пестель был современником спора, развернувшегося между М.М. Сперанским и Н.М. Карамзиным. По своему содержанию и, что более важно, по своей сущности это было столкновение двух моделей дальнейшего развития России: либеральной и консервативной. Водораздел между ними, по точному замечанию В.А. Китаева, проходил гораздо глубже дебатов о конституции и крепостном праве, при всей их несомненной важности, и крылся в понимании свободы. Либерал М.М. Сперанский делал свой выбор в пользу внешней свободы, утверждая тем самым примат Закона, настаивая на конституционно-правовых гарантиях ее осуществления. Для консерватора Н.М. Карамзина политико-правовые гарантии свободы, равно как и ее ограничения, не представляли никакой ценности. Он выбирал свободу внутреннюю, которую «дает не государь, не парламент, а каждый из нас самому себе», а потому она не нуждается в каком-либо правовом определении [Китаев 2008: 24-39]. Сказанное Н.М. Карамзиным по вполне конкретному поводу («К чему писать законы, разве для потомства? Не бумаги, а люди правят» [Карамзин 1911: 99-100]) приобретает глубокий смысл. По сути, это все тот же спор между Правдой и Законом. Истинный, то есть просвещенный, монарх, по Н.М. Карамзину, правит и судит, не прибегая к Закону, опираясь лишь на Правду, носителем которой он должен являться.

Свобода была одной из определяющих ценностей для декабристов, в т.ч. и для П.И. Пестеля. Для героев 1812 г. (а среди них немало будущих декабристов), возвращавшихся из заграничных походов, контраст между Европой, которую они только что освободили, и самодержавно-крепостнической Россией лишь усиливал стремление к вожделенной свободе. На чем она должна быть основана: на Правде или на Законе?

В своем конституционном проекте П.И. Пестель, безусловно, пытался отыскать и утвердить русскую Правду, как он ее себе представлял. И в этой связи любопытен вопрос: нельзя ли рассматривать этот проект как попытку соединить Закон и Правду, но таким образом, чтобы Закон стал если не Правдой, то чем-то очень близким к ней? Не было ли это попыткой поиска такой русской

Правды, в которой идеи и представления о справедливости находились в едином органическом единстве с христианскими заповедями, справедливым государственным устройством?

Затронем здесь один сюжет. Иноземец Рюрик стоял у истоков Древнерусского государства. Напомним, независимо от отношения к норманнской теории, памятник «Тысячелетие России» был открыт в Новгороде в 1862 г., в год юбилея призвания Рюрика, что означало официальное, государственное признание значения этого события для формирования российской государственности. В 2012 г. там же, в Новгороде, прошли официальные торжества, посвященные 1150-летию этого же события. Обрусевший правнук Рюрика Владимир выбрал религию, определившую вектор цивилизационного развития Руси, а потом и России. Сын Владимира Ярослав принял «Русскую Правду». Спустя несколько веков обрусевший немец П.И. Пестель будет искать пусть и свою, но тоже русскую Правду.

Ф.М. Достоевский, отвечая пытающимся понять тайны загадочной русской души, в пушкинской речи размышлял о всемирной любви и отзывчивости русского человека как о «главнейшей способности нашей национальности», призванной «внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всеобъединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!»¹ Не благодаря ли этой отзывчивости потомки варягов стали патриотами Руси, а потомки обрусевших немцев – патриотами России?

В современной литературе предпринята успешная попытка разрушить хорошо известные стереотипы, связанные с царствованием Анны Иоанновны и так называемой бироновщиной как мрачным временем в истории России [Анисимов 1994: 424-452]. Е.В. Анисимов также отметил, что для многих иностранцев, включая и современников Анны Иоанновны, Россия стала судьбой, второй родиной, где их талант расцвел, получил признание, прижизненную и посмертную славу [Анисимов 1994: 428-429]. В русском патриотизме невозможно отказать и немке Екатерине II. Среди многих начинаний Екатерины II назовем два весьма символических: учреждение ордена святого Георгия и учреждение ордена святого Владимира. Потомок «арапа Петра Великого», категорически не принявший всеразъедающий скептицизм П.Я. Чаадаева относительно прошлого, настоящего и будущего России, напишет автору «Философического письма»: «...я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя ...но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал»². Николаю I приписывают фразу: «Русские дворяне служат государству (читай – России. – О.К., К.Л.), а немецкие – мне». П.И. Пестель, казненный Николаем I, служил России. Раненный на Бородинском поле, он от самого М.И. Кутузова получил золотую шпагу с надписью: «За храбрость» [Лебедев 1972: 68].

Как было отмечено выше, в своем проекте справедливого государственного устройства П.И. Пестель стремился опереться на многовековые исторические традиции. И во многих отношениях показательно, что поиск собственной «Русской Правды» он начинает, отталкиваясь от «Русской Правды» Ярослава. Она воспринималась как своеобразное, даже, пожалуй, наиболее яркое выражение и воплощение этих вековых традиций. Одновременно «Русская

¹ Достоевский Ф.М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т. Л.: Наука. 1984. Т. 26. С. 148.

² Пушкин А.С. *Собрание сочинений*. М.: ГИХЛ. 1962. Т. 10. С. 310.

Правда» являлась историко-правовым символом и правовым фундаментом первого Русского государства. И также символично, во всяком случае, в глазах П.И. Пестеля, что правовой основой новой России станет «Русская Правда». Как «правда» она должна будет прийти на смену тому самодержавно-бюрократическому произволу и деспотизму, которые у декабристов отождествлялись с абсолютной монархией. Как «русская» она должна будет отразить национальный характер будущего государства (об этом мы скажем чуть ниже). Возможно, для П.И. Пестеля это название представляло важность еще по одной причине. Хотя его отец был видным сановником (в разные годы являлся президентом Главного почтового правления, сенатором, членом Государственного совета, сибирским генерал-губернатором¹, сам П.И. Пестель оставался чужаком в кругу декабристов из аристократических русских семей: Волконских, Муравьевых, Оболенских, Раевских, Трубецких. Возможно, самим названием П.И. Пестель хотел подчеркнуть, что он такой же русский, как и они, что для него Россия значит ничуть не меньше, чем для них.

(окончание в следующем номере)

Список литературы

- Анисимов Е.В. 1994. *Россия без Петра: 1725–1740*. СПб: Лениздат. 496 с.
- Иларион. 1994. *Слово о Законе и Благодати*. М.: Столица; Скрипторий. 143 с.
- Карамзин Н.М. 1911. *Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях*. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. 125 с.
- Китаев В.А. 2008. *XIX век: пути русской мысли*: научные труды. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета. 355 с.
- Краснобаев Б.И. 1983. *Русская культура второй половины XVII – начала XIX в.*: учебное пособие для ист. спец. вузов. М.: Изд-во МГУ.
- Лебедев Н.М. 1972. *Пестель – идеолог и руководитель декабристов*. М.: Мысль. 343 с.
- Нечкина М.В. 1983. *Декабристы*. М.: Наука. 181 с.
- Повесть временных лет*. Ч. 1. 1950. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 504 с.
- Российское законодательство X–XX веков*: в 9 т. 1984. М.: Юридическая литература. Т. 1. 430 с.
- Рыбаков Б.А. 2014. *Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Происхождение Руси и становление ее государственности*. М.: Академический проект. 624 с.
- Свердлов М.Б. 1988. *От Закона Русского к Русской Правде*. М.: Юридическая литература. 176 с.
- Устрялов Н.Г. 1997. *Русская история до 1855 года*: в 2 ч. Петрозаводск: Корпорация «Фолиум». 958 с.
- Фроянов И.Я. 1995. *Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы*. М.; СПб: Златоуст. 703 с.
- Юрганов А.Л. 1998. *Категории русской средневековой культуры*. М.: МИРОС. 448 с.

¹ *Государственные деятели России XIX – начала XX в.*: биографический справочник. М.: Изд-во МГУ. 1995. С. 142-143.

KUZNETSOV Oleg Viktorovich, *Cand.Sci. (Hist.)*, Associate Professor; Head of the Chair of Russian and World History, Archaeology, Volgograd State University (100 Universitetskiy Ave, Volgograd, Russia, 400062; oleg.kuznetsov@volsu.ru)
LOTAREV Konstantin Anatol'evich, *Cand.Sci. (Pol.Sci.)*, Associate Professor of the Chair of International Relations, Political Science and Regional Studies (100 Universitetskiy Ave, Volgograd, Russia, 400062; lotarev@volsu.ru)

TWO «TRUTHS»: YAROSLAV THE WISE AND PAVEL PESTEL': ON THE ISSUE OF SEARCHING FOR AND ASSERTING THE POLITICAL AND HISTORICAL MEANINGS OF «TRUTH» AND «LAW» IN THE POLITICAL HISTORY OF RUSSIA

Abstract. The article focuses on one of the key problems in the political history of Russia – the problem of finding and establishing acceptable, organic, natural norms, rules and values in state and public life that correspond with the moral and mental state of the people. This is a multi-level and multi-faceted problem, largely solvable, but ideally unsolvable for the reason that over the centuries, the people and the authorities have numerous unpredictable and difficultly structured events affecting the historical and political process. Political, legal, and value paradigms change under the influence of diverse and contradictory circumstances.

The main sources are «Russian Truth» by Yaroslav the Wise, «Russian Truth» by P.I. Pestel', «The Word about Law and Grace» by Metropolitan Hilarion.

Keywords: Law, Truth, Justice, tradition, constitutional project, state laws, Divine law, monarchy, republic, power, people, state

УДК 24-17

АБАЕВА Любовь Лубсановна – доктор исторических наук, профессор; главный научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; luba-abaeva@mail.ru)

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ, НРАВСТВЕННЫЕ КАТЕГОРИИ И ЭТИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ В ВЕКТОРЕ БУДДИЙСКИХ ТЕОРИЙ И ПРАКТИК

Аннотация. В статье анализируются мифологические воззрения, нравственные категории и этические приоритеты монгольских народов в процессе адаптации буддийских идей и практик. На наш взгляд, результаты креативной мифотворческой деятельности, а также тотемистические, анимистические, ритуальные и символические знания народа четко проявляются в последующих религиозных культурах, особенно в буддийских практиках монгольских народов, модернизируясь, трансформируясь и эволюционируя в соответствии с социальными, экономическими и политическими запросами социума.

Ключевые слова: монгольские народы, мифологические воззрения, нравственные категории, этические императивы, тибетская мифология, буддийские теории и практики, закон кармы, эволюция

Мифотворчество практически всех народов нашей планеты в силу своей изученности и актуальности представляет собой довольно систематизированную структуру представлений и сюжетов, основанную на народных зна-